

Д
РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

а л е к с е й
Н А С Т

НАКАЗАТЬ БЕСПРЕДЕЛЬЩИКОВ

Русский детектив

Алексей Наст

Наказать беспредельщиков

«Центрполиграф»

2019

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Наст А.

Наказать беспредельщиков / А. Наст — «Центрполиграф»,
2019 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-08556-6

С бандой Федора Оргункова, который два года терроризировал город, решено покончить. Преступники орудовали предельно нагло и жестоко и до такой степени запугали жертв, что любое возбужденное против них уголовное дело разваливалось за неимением свидетелей. Чтобы положить конец бесчинствам, полиция внедрила в банду оперативника Михаила Соболева, якобы уволенного из органов за пьянство и поборы. Почти сразу с его приходом в банду члены группировки стали погибать от рук неизвестного мстителя. И без того опасное задание Соболева становится еще рискованнее...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08556-6

© Наст А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Наст

Наказать беспредельщиков

© Алексей Наст, 2019

© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Часть первая

Беспредел

Беспредел начался давно, в эпоху самого первого накопления капитала, когда испуганных кооператоров принуждали делиться доходами не только инспекторы народного контроля и работники ОБХСС, но и начинающие рэкетеры-кустари. Механизм отъема денег у трудового частника был еще не отлажен, потому несговорчивых рэкетеры пытали паяльниками, утюгами и прочими бытовыми электроприборами.

В кровопролитных уличных разборках лихие варнаки поделили город на сферы влияния. Так было по всей стране, и кооператоры, а потом предприниматели и бизнесмены, особо не ропща, во всем подчинились безжалостным порядкам воровского капитализма.

Прошли «лихие девяностые», потом «пустые двухтысячные» годы, а в городе и области ничего не изменилось. Из двух десятков местных устойчивых организованных банд ни одна не могла похвастаться чем-либо выдающимся или самобытным, как это было в Москве и Санкт-Петербурге, потому милиция на поборы и вымогательства смотрела сквозь пальцы, спокойно занимаясь бытовыми происшествиями: пьяными драками, мордобоем супругов и подростковыми кражами. Отчетности по организованной преступности в городе не существовало.

И только два года назад столь унижительный застой в развитии регионального бандитизма был преодолен. Из мест не столь отдаленных, где зимой среди местного, а особенно среди насильно привезенного и насильно удерживаемого населения практиковались лесоповал и уборка бескрайних запасов снега, вернулся злой на весь мир Оргунков Федор Васильевич, сорока лет от роду, ста двадцати килограммов веса и двухметрового роста. Монстр и амбал.

Оргунков сразу же объявил о том, что ему начхать на давно существующие «сферы влияния» местных бандитов и бандитиков.

Вместе со своим сорокатрехлетним другом-бездельником Сотовым Антоном Семеновичем, толстым, рослым и волосатым, Оргунков начал сбор денег с фирм и торговых предприятий, независимо от того, какая «крыша» их опекала. Все возмутились: что это за беспредел девяностых, теперь все давно цивилизовано и отлажено! Но правоохранительные органы безупречным нежеланием рассматривать любые официальные заявления о наездах бандитов похоронили веру в справедливость. С экранов телевизоров московские правители вещали о наступающем торжестве закона, а в городе все презрительно ухмылялись: тут не нишкни, тут свой закон, тут своя преступная империя. А пожалуешься – убьют и тебя, и семью, не жалея ребятишек. Вот такая демократия в российской провинции, в отдельно взятом уездном городе!

Так вот, недовольных бандитов Оргунков убивал из обрезка, а трупы сжигал на кострах, так сказать, предавал языческому огненному погребению, только пепел по полям не распылял (много чести). Непокорных же бизнесменов, пытавшихся из жадности или от великой наглости перечить злодейским желаниям Оргункова, «покорял» в задний проход, при этом громко крича и ругаясь. Это было очень удачное решение, преступная «нанотехнология»: никто из «опущенных» мужчин, боясь бытового позора, не заявлял на бандита. А если и заявлял (находились смельчаки), купленные милицейские кадры закрывали все дела подряд, как клевету. Было бы смешно думать, что там, в главном управлении, о таком беспределе не знали, но молчали и делали вид, что не знали... Хороший отчет – это хороший отчет! В общем, обычная история...

За странное пристрастие к столь оригинальному способу наказания «непонятливых» богачей и директоров фирм Оргункова прозвали Голубой Молнией. Даже в Москву донесли. Там посмеялись – в России такие негодяи не могут существовать в реальности, они живут только в телевизионной тусовке. Еще популярный комедийный клуб кричал, что такие «зло-

деи» сразу превратятся в пыль в Махачкале... Видимо, эти ребята никогда не были в Махачкале – это очень культурный, европейский город, и тут «Европы» бывает побольше, чем в Большой столице, где все воспринимается через какие-то странные, неприличные намеки...

Сбор денег продвигался трудно. Голубая Молния не щадил никого – рубил пальцы и руки по локоть, резал уши. И всех «наказывал». Никто из «непокорных» не избежал страшной доли.

Возмущение в криминальном мире достигло предела – разбираться с Голубой Молнией массово приезжали «гастролеры», очень знаменитые бандиты. Никто не знает почему, но после разборок они потеряли свои «троны». И преступный мир сдался (подумали паханы и плюнули) – хрен с ними, с борзыми «петухами», пусть в своем городишке что хотят, то и творят, только дальше чтоб не лезли.

Так трехсоттысячный областной центр подчинился беспредельщику Голубой Молнии...

Казна бандитов начала раздуваться от бесперебойных поступлений.

Голубая Молния отстроил себе виллу на берегу реки, всем своим людям купил мотоциклы «харлей», одел в кожаные куртки и штаны в стальных заклепках, так что «молниеносные» стали похожи на киношных байкеров-головорезов. Бандиты усиленно тренировали мускулатуру в залах бодибилдинга, носились по городу урчащей мотоциклетной стаей, задирали обывателей в ресторанах и пивных барах, а на милицию чхали.

Голубая Молния рубить пальцы и резать уши перестал, но, если случались задержки с поступлением дани, безжалостно насиловал нерасторопных бизнесменов.

Не отставали от Голубой Молнии и его подопечные злодеи. Особенно старался гигант Сотов, принявший псевдоним Рэд Пятачина, из-за своего вечно красного лица, которое имело томатный оттенок (видимо, от избыточного здоровья). Рэд Пятачина отрастил бороду и усы и, когда гонял по городу на ревущем «харлее», нагло возил с собой короткий обрез, вдетый в специальные пазы на кованом сапоге.

Время шло. Бездействие милиции и безропотность трудовых предпринимателей убедили Голубую Молнию в полной безнаказанности.

Гнусный беспредел перешел все границы...

Но случилось то, что должно было случиться: в Сочи решено было провести зимнюю Олимпиаду, милицию переименовали в полицию, а старого губернатора, «отсидевшего» на своем посту три долгих властных срока, заменили новым, молодым «варягом» с Дальнего Востока. И тогда наступил конец – Бог на небе и власть имущие на земле сразу устали от выходов «молниеносной» банды. Однажды вечером, на секретном совещании в областном управлении внутренних дел, была разработана операция по ликвидации шайки варнаков. Так как заявлений от потерпевших граждан не поступало очень-очень давно, решили внедрить в банду своего агента, дабы заграбастать беспредельщиков с поличным.

Агентом, внедренным в состав банды, стал Миша Соболев, двухметровый гигант с убийственной мускулатурой. По легенде, он был бывшим оперативником, не прошедшим аттестацию в полицию и уволенным за пьянство и алчность, но имевшим прочные связи в УВД, которые и соблазнили Голубую Молнию. Продажным сотрудником УВД, обязавшимся за плату, через Мишу, поставлять бандитам оперативную информацию, а в случае чего прикрывать, стала старший следователь следственного отдела УВД капитан Ася Антонова. По легенде, Ася была любовницей Миши, – в это Голубая Молния поверил безоговорочно: какая баба устоит перед таким красавцем!

Теперь оставалось ждать, когда «молниеносная» банда попытается совершить очередное преступление, чтобы заковать всех беспредельщиков в наручники и отправить по зонам, в петушиные бараки...

Глава 1

Было четыре часа дня. Миша ехал на арендованной УВД, ради операции, иномарке на виллу Голубой Молнии, где намечался «большой ковер».

«Большой ковер» изобрел Голубая Молния уже в эпоху своего процветания – он перестал доверять архарам ездить по фирмам и магазинам (его шумная бригада привлекала к себе ненужное внимание), а принимал данников на своей вилле, восседая в плетеном кресле у выложенного перламутровым мрамором бассейна. По одну сторону от Голубой Молнии располагался пластиковый белый столик с яствами и коньяками, по другую – стояли вымазанные оливковым маслом, лоснящиеся мощью качки-«палачи». Данник передавал Голубой Молнии пакет с деньгами, за что удостоивался добрых слов и рюмки коньяку с ломтем ананаса, а после шел отдыхать – купался в бассейне, любезничал с юными прелестницами, которых варнаки держали на вилле как массажисток, обедался выставленными закусками – все как на голливудском рауте. Если же по какой-либо причине данник не приносил положенного, то грозный Оргунков указывал на него кривым пальцем, и верные варнаки, оттащив несчастного в сторону, принимались нещадно «наказывать» и даже бить данника, а после, выпив на дорожку коньяка, измазанный кровью и соплями бизнесмен уходил домой, размышляя над дилеммой: что лучше – собрать требуемые деньги к новому сроку или повеситься? Существовал и третий вариант: если деньги не были предоставлены по уважительной причине, Голубая Молния милостиво «прощал» данника, позволяя принести дань в другой раз, но взамен какая-либо родственница провинившегося (обычно супруга) подвергалась поучительному «наказанию» – банда брала ее на «отдых» в сауну.

Миша был наслышан об оргиях и беспределе, творящихся за высоким забором виллы. Теперь ему предстояло присутствовать лично во время страшного спектакля – Голубая Молния велел быть обязательно.

Синяя «тойота-камри» замерла перед ажурными воротами виллы Голубой Молнии. На звук сигнала вышел охранник в пятнистой униформе – виллу сторожило специальное подразделение охранной фирмы «Богатырь» – ее владелец отработывал дань бесплатной охраной огромной собственности бандитов.

– Что надо? – грубо спросил охранник.

Стекло дверцы уплыло вниз. Миша снял солнцезащитные очки:

– Я Соболев. Босс знает.

Охранник ухмыльнулся, причислив Мишу к сонму данников. Он вытащил из кармана мятый листок со списком «приглашенных».

– Ага. Есть такой. Заезжай.

Ажурные ворота со скрипом отворились. Иномарка, послушная движению ноги Миши, притопившей педаль газа, вкатилась в царство бандитов.

Прекрасно вымощенная гранитным камнем дорога через заросли декоративных хвощей, заменявших пальмы, вела к белоснежному дворцу с колоннадой и обилием пуленепробиваемого стекла.

Перед самым домом топтались с десяток одетых в пестрые просторные пляжные рубахи качков.

Миша вышел из машины. У него тут же вежливо «отняли» ключи. Один из амбалов погнал иномарку куда-то в глубину двора. Мише показали на стеклянные двери, ведущие в просторный холл.

Он прошел через внутреннее помещение и оказался позади здания, где у бассейна «кипела» жизнь – сновали девицы в купальниках, у столов с выпивкой и едой тусовались отме-

тившиеся данники. Сам Оргунков (толстый, в одних плавках) сидел в своем коронном плетеном кресле, раскинув ноги в стороны. Рядом переминались три мускулистых амбала.

Голубая Молния уже заметил Мишу. Расплывшись в улыбке, махнул рукой.

– Миха! Иди сюда! Иди, дорогой!

– Приветствую. – Миша неискренне (как и все здесь) заулыбался, пожал волосатую пятерню Голубой Молнии двумя руками, выражая свою ничтожность и полное уважение к хозяину.

– Коньяк? Пей коньяк, Миша, сто лет проживешь. – Голубая Молния собственноручно налил в пузатый стеклянный бокал искристой влаги из хрустальной бутылки. – Как поживаешь?

– Нормально.

– Пей. Это хорошо, что все у тебя нормально. Сейчас иди отдыхай, а я улажу финансовые дела, и мы поговорим. В бане попаримся – Пятак волокет в банном деле. Увидишь – такого пара нигде не найти. Величайшее наслаждение от пара получаешь, который готовит наш Рэд! Ну, иди, развлекайся.

Миша отпил глоток коньяка, кивнул, что все понял, и отошел – к Голубой Молнии подходил новый данник, по лицу которого было видно, что он явился не при деньгах.

Миша огляделся. В бассейне плавали смазливые девки. Толстобрюхие директора в плавках жрали с пластиковых тарелок и болтали о делах, амбалы, без видимой цели, попивая сок из высоких стаканов, шатались вокруг бассейна. Из-за кустов веяло дымком – жарился шашлык, – близился вечер, и с наступлением ранних сумерек на вилле предстояла обжираловка.

Миша тронул проходившего мимо амбала за локоть:

– Где у вас можно переодеться?

– Купаться хочешь?

– Жарко в штанах.

– Разденься в холле. Плавки нужны?

– Я в купальных шортах, спасибо.

Миша пошел обратно в дом. Он не спеша расстегнул и стянул брюки. За окном Голубая Молния, разозлившись, орал на вжавшего голову в плечи данника. Миша сощурился – сейчас беднягу скрутят амбалы и уволочут через калитку в живописной стене из белого известняка, к другому бассейну – месту оргий и страшных расправ. Жаль, что сегодня Миша лоханулся, приехав на встречу без мини-видеокамеры. Уж к тому-то бассейну он проберется сегодня обязательно – не зря же он здесь! Хотя бы все увидит. Хотя для официального дела это, конечно, ничего не даст, но, может быть, это и к лучшему – бандиты поймут, что угрозы он не представляет, и раскроются основательно.

Голубая Молния, выпятив нижнюю губу, сосредоточенно слушал оправдания – данник, едва шевеля губами, показывал рукой за спину. Миша напряженно размышлял, как бы более естественно, между делом, оказаться на месте назревающей расправы.

Мимо неслышно прошла горничная в короткой униформе с белым передником. Миша немедленно обратил свой взор на пуговицы своей рубашки, чтобы его не заподозрили в шпионаже. Перебирая пуговицы, сам удивлялся – что-то Голубая Молния медлил. По рассказам, раньше он столь долго не терпел.

Прислуга ушла. Миша снова воззрился на данника, который, стряхивая пыль с колен, уже выглядел спокойным. Неужели оправдался? Перед Голубой Молнией оправдался? Убедил в своей невиновности? Происходило что-то нереальное!

И тут Миша замер – из-за стены трехметровых декоративных хвощей вышла молодая женщина в открытом купальнике. Сердце у Миши екнуло – Галя Ким, его первая и безответная любовь, корейка.

Тогда был очень, очень молод и пошел в школу милиции, ибо не видел для себя другого призвания, как давить бандитскую нечисть.

То было другое время, всем было тяжело – страна, которой «подарили» свободу, разваливалась из-за бардака и анархии, из-за грабительского засилья свежих феодалов, воспитанных развитым социализмом, инфляция за день сжирала целые состояния. Тогда Галя Ким выбрала себе сытую жизнь – она вышла замуж за Ордынцева, челнока, возившего из Турции обувь и бюстгалтеры...

Вот она, значит, теперь какая. Немного пополнила, а лицо то же...

Данник уже уходил. Галя что-то сказала Голубой Молнии и ушла. Ага, тоже в заветную калитку! Что она здесь делает? Неужели она фаворитка Оргункова?! А может быть, Галя стала заниматься бизнесом, и здесь на правах «гостыи»? Зачем же она пошла сквозь калитку, в «закрытую» зону? Может, ее прислал муж для отработки долга?!

Последнюю мысль Миша отмел – не такой Галя человек... Была не таким человеком...

Мучимый любопытством, волнуясь, оставшись в купальных шортах, он вышел на солнце.

Жар облизал его тело. Миша пошевелил мускулами. Обязательно надо переговорить с Галиной. Сегодня у него день отдыха. Почему не совместить приятное с полезным?

Голубая Молния, посмотрев на Мишу, подмигнул ему:

– Купаться решил?

– Жарко.

– Иди в наш бассейн. Вон в ту калитку.

Миша внутренне возликовал – то, что ему требовалось, получилось само собой!

Пройдя в калитку, он оказался у небольшого бассейна, в котором плавала Галина. Несколько амбалов, разговаривая между собой, хищно поглядывали в ее сторону.

Миша с силой оттолкнулся от края бассейна и нырнул в теплую до отвращения воду.

Вынырнув и тряхнув головой, он отыскал глазами Галю. Она была еще в воде, но уже не плавала, а пила сок.

Он выдохнул воздух и стремительно подплыл к ней:

– Привет!

Галина испугалась, но, узнав его, рассмеялась, поставила стакан на край бассейна.

– Боже мой! Миша! Ты как здесь?

– По делам.

– Все служишь в милиции?.. Извини, в полиции... Все никак не могу привыкнуть...

– Был бы я ментом, сюда бы мне вход был закрыт... Тусуюсь. Из органов прогнали...

– Что так?

Галя усмехнулась. Мише стало не по себе – не о том они говорят. Он вдруг понял, что Галя уже давно не та девчонка, что сводила его с ума. Это чужая женщина, совершенно ему неизвестная. Глупо пытаться отыскать давно утерянное.

– О тебе все время вспоминал. Хотел жить кучеряво, – солгал Миша.

– Деньги брал?!

Миша пожал плечами, давая понять, что брал.

– А ты что здесь? – задал он встречный вопрос.

– Так... – ушла от ответа Галя.

– Ну и жарница! – Зычный голос потряс округу.

Из-за кустов вышел мокрый от пота, красный, лохматый толстяк с мочалкой из сухих морских водорослей в руке. Это был Рэд Пятачина.

Он громко ворчал:

– О чем думает Молния?! В такое пекло решил париться в бане... Какие люди-и! – Глаза Рэда хищно сверкнули. Он смотрел на Мишу и Галину. – Гы-гы-гы! А я уже готов! Готов! Аа-уа!

Он вдруг, как взбесившаяся горилла, помчался к бассейну, сотрясая своим топотом землю, остановился, ловким рывком расстегнул ширинку клетчатых шорт и, нисколько не стесняясь ошеломленного Миши, вывалил наружу свое огромное жилистое добро. Миша успел подумать, что Пятачина разоблачил его и теперь намеревался прилюдно опустить, а после отдать на мучения выродам амбалам-«палачам».

Еще мгновение – и Миша коротким ударом кулака разможил бы покрытые редкими волосками коричневые яйца гиганта, но случилось невероятное: Рэд Пятачина, опустившись на одно колено, приподнял на руке побледневшую Галину, заорал победно: «А-а-а-а-а!!!» Секунда – и женщина, рыдая, уже давилась грубым минетом.

Миша проникся глубочайшим омерзением. Он понял, что тот тип, который оправдывался, стоя на коленях перед Голубой Молнией, и был знаменитый торговец Ордынцев – он заставил свою жену отрабатывать неустойку. Фу! Вот она, мерзкая цена сытой жизни! Как же так? Неужели можно ради денег идти на такое унижение?

– Что ты говорил, Рэд, насчет бани? Уже готова? – В калитку входил Голубая Молния. Он благодушно улыбался.

– Да, баня готова, можно париться, – отозвался Пятачина, внимательно наблюдая, как корейка гложет его член. Ни один мускул на его красном лице не выдавал эмоций, которые он испытывал.

Миша вылез из бассейна.

– Миша, пойдем в баню! Пива попьем, поговорим, – позвал Голубая Молния.

– С удовольствием, – отозвался Миша.

Он готов был провалиться сквозь землю, только бы не видеть происходящего с Галей!

В душе все перевернулось, все полетело в тартарары – теплые воспоминания о первой влюбленности, собственная самоуверенность. Он попал в мир извращенной жестокости и циничного поклонения деньгам, ради них людишки шли на невероятные унижения и безумно трусили, не желая бороться за собственную честь.

– Пятак, ты идешь?! – позвал Молния.

– Иду. – Пятачина извлек свое «хозяйство» изо рта отиравшейся ладонью корейки, застегнул шорты, кивнул на Галину двум амбалам:

– Сделайте ее как следует! Может, муж будет умнее в дальнейшем. Взял моду – второй раз ее уже оставляет.

Пятачина нагнал Молнию и Мишу, улыбаясь, опустил тяжелую руку Мише на плечо, словно только что заметил, спросил:

– Как жизнь, Миша?

– Живой!

– Гы-гы! Пока живой? Ну-ну...

Баня представляла собой розовый домик с черепичной крышей, наполовину скрытый зарослями высоченной черемухи. Голубая Молния распахнул аккуратную дверцу и шагнул в темный предбанник. Пятачина пропустил Мишу вперед себя. Стали раздеваться. Два толстых здоровяка заняли все пространство – Миша с трудом протиснулся между ними и стянул купальные шорты. Пятачина ловко спустил свои обычные шорты, под которыми трусов не было, и через голову сдернул майку. Его мужское естество, все еще тугое и упругое, вызывающе торчало. Миша опустил взгляд на своего «красавца» – тот спал. У Молнии тоже было все спокойно. Молния почесал свой подбородок, ухмыльнулся.

Пятачина, заметив внимание к своему члену, рыкнул:

– Что устались?! Сейчас всуну банан – не обрадуетесь!

– За петухов нас держишь? – хрюкнул Молния. – Только дернись – с мясом вырву!

– А давай Мишу оголублим, – вдруг предложил Рэд. – Загнем и отшуреем.

Миша опешил.

– А что, никто не узнает. Давай, Михаил, загибайся. Посмотрим на твою преданность. Молния взорвался бешеным хохотом, мотая головой. Успокаиваясь, заверил:

– Не бойся, Миша. Пятак шутит. Кхе-кхе-кхе... Хотя кто его знает...

В тесном моечном помещении, совмещенном с парной, мылись молча. Миша был насто-роже, с напряжением искоса наблюдая за Пятачиной. Мише показалось, что этот дикий кабан всерьез собирался лишить его мужской чести. Но Рэд, хрюкая и отплеываясь, мылся, согнувшись над цинковым тазиком. Молния на верхнем полке похлопывал себя по спине и животу дубовым веником.

Закончив париться, он спустился на пол. Пятачина с готовностью окатил его прохладной водой. Молния отер воду и пот с лица.

– Хорошо... Пятак, тащи водку и квас.

Рэд бросил мыться, ушел. Молния присел на полку, из таза побрызгивал себе на распаренные розовые ноги теплой водичкой.

– Что интересного расскажешь, Михаил? Есть для нас информация?

Миша тоже присел.

– Есть, только не знаю, насколько она вам годится.

– Говори.

– Кто-то настучал, что в корпусах старого кирпичного завода разливают самопальную минералку.

Молния убрал с лица благодущие.

– Вынюхали... Это цех Стеклова. Говорил мудаку – меняй чаще помещения. Когда налет?

– Завтра рано утром. Часа в четыре.

В баню вошел Рэд с двумя литровыми баллонами светлого домашнего кваса и бутылкой водки.

– Слышь, Пятак, менты Стеклова хотят накрыть.

Миша пояснил:

– Они не знают, чей цех, просто имеют информацию, что линия розлива и пять тысяч упаковок полуторалитровой минералки находятся на территории старого кирпичного завода.

– Значит, Стекло в этот раз не внесет положенную плату. Задницу ему порву, гаду! – рыкнул Рэд, с хрустом проворачивая пробку на бутылке.

– Тупой ты, Пятак. Мне не грязная задница Стеклова нужна, а его бабки. Будет действовать бизнес – будут идти бабки! А сейчас менты все подгребают, – отозвался Голубая Молния. – Себестоимость бутылки поддельной минералки – семьдесят копеек, в торговлю она идет по девятнадцать рублей, а там еще пять-шесть сверху накидывают, а то и больше! Ты понял, чего мы лишаемся?! Они ведь все равно вынюхают, чей цех и чья минералка.

– Ты про ментов? Может, вынюхают, а может, нет. Слушай, Молния, раз Стекло все равно теперь будет в дерьме, давай хоть свое возьмем. Линию нам уже не спасти, а товар вывезти успеем. Налетим всей бригадой, транспорт подгоним и вывезем минералку. Сколько там бутылок?

– Тридцать тысяч.

– Это полмиллиона бабла! Да положил я на Стеклова после этого! – заявил Рэд.

Молния задумался, забрал из рук Пятачины водку, вывернул с корнем и выкинул на пол ненужный дозатор, отхлебнул из горла, крякнул, скривившись, передал бутылку Мише.

– Мысль.

– Время, чтобы предупредить Стеклова, еще есть. Он может сам успеть перевезти цех и воду – у него же рабочие есть какие-то, – сказал Миша.

Но по лицам бандитов было понятно, что им выгоднее ограбить своего данника, чем спасти и получать частями то, что можно хапнуть сразу и сейчас.

– Хрен там успеет, – возразил Рэд. – Возьмем минералку сами, а его за дебилизм накажем. Пятачина, вслед за Мишей, тоже приложился к бутылке водки и тут же перешел на другую тему:

– Ты знаешь ту курву?

– Кого? – не понял Миша, думая про Стеклова.

– Жену Ордынцева.

– А-а... – Миша растерялся. Отозвался без энтузиазма: – В молодости поглядывал на нее.

– Ха-ха! Поглядывал, – развеселился Рэд. – Дай ей в рот. Она сегодня за муженька старается, бережет его задницу, себя утруждает!

Миша беспомощно захлопал ресницами. Что он может предпринять, чтобы спасти свою первую любовь, ведь у него очень ответственное задание! И в мозгу сразу появился ответ: ничего он предпринимать не будет. Ничего. Абсолютно.

Голубая Молния обрадовался, вскричал:

– Точно!.. Пятак, зови корейнку. Утешим Мишу! – Ему понравилась идея привлечь старых знакомых к половой близости. Им будет плохо и стыдно, а он насладится их психологическими терзаниями. Вот это потеха и зрелище!

– Не... Не хочу! – запротестовал Миша. Он понял, что это перебор. Наступал его личный апокалипсис. Или – или. Он замотал головой решительно. – Не буду!

– А я тебя не спрашиваю! – Во взгляде Молнии сверкнули холодные искорки... Он напрягся, но тут же подобрел и расслабился. Спросил с доброй усмешкой: – Или ты не мужик? Хренов импотент? Женщине надо доставлять удовольствие, Михаил! Ты против этого утверждения?

– Конечно, не против! Но тут совсем другое...

– Да, да... Любовь и прочая дребедень... Так ты сделаешь, что я прошу, или наше сотрудничество окончится не начавшись?

Голубая Молния продолжал оставаться добрым собеседником, но Миша понял, что должен покориться, чтобы не заронить в души бандитов зерна сомнения. Потом зерна отделят от плевел, только ли легче ему будет? Совершить такое!.. Но он уже знал, что сделает эту гнусность, иначе ему не оправдаться ни перед бандитами, ни перед коллегами по правоохранительному цеху. Вопрос: простит ли он себя после этого?

Рэд резво выскользнул из бани, скоро привел покорную и усталую Галину. Она была в бюстгальтере, но без плавок, шла тяжело – чувствовалось, что каждое движение давалось ей с трудом.

– Заходи, родная, – улыбаясь, позвал Галину Молния, но, когда она шагнула к нему, он повелительно указал на Мишу.

Мише было ужасно неприятно, но член, к его стыду, сам собой враз осмелел, налился силой и отвердел.

– Ха-ха-ха! – засмеялся Рэд. – Хотел и молчал!

Миша увидел в глазах Галины презрение к нему, но в тот же момент она нагнулась, и... чувственная сладость сотрясла Мишу, а рот женщины все убыстрял и убыстрял темп.

– Ну-ка, прогнись, – хлопнул по спине корейнку Пятачина.

Он со вздохом вошел в нее сзади. Она дернулась, чуть не укусив естество Миши. Он испуганно придержал ее голову, но дальше все шло хорошо...

Голубая Молния спокойно пил квас из пластикового баллона, наблюдая за эротической сценой, разыгравшейся по его прихоти.

– Как будто я в Древнем Риме! – пояснил Молния всем. – Я император, а вы мои рабы... Тогда же не было эротики на дисках! Ха-ха-ха! Все было вживую!

Никого не обрадовало его веселое пояснение – они были куклами в ужасном спектакле. Даже пьяный Рэд метнул на соратника злой взгляд, не прекращая своего сладкого «дела».

Миша пытался сохранить непроницаемость на лице, но не смог сдерживать себя, в итоге потерял контроль и завершил очень эмоционально, тут же испытал, одновременно с сексуальным блаженством, глубокое отвращение и к себе, и к женщине, которую всегда любил, которая сделала то, что не должна была делать даже под страхом смерти. И он этого не должен был делать. Они оба мерзавцы! Нет, это громко сказано – они две дряни, пытающиеся оправдать свою подлость стечением обстоятельств. Из любой ситуации всегда есть выход. Всегда! Только этот выход нас не устраивает, подумал Миша, и мы называем ситуацию безвыходной...

Молния ухмыльнулся (ему все нравилось, и он от души забавлялся муками своих «подопечных»):

– У тебя зубы от минета разболелись, Миша?

– Что? – Еще находясь в экстазе, Миша посмотрел на Молнию. Он постепенно возвращался в реальность.

– Лицо у тебя... ужасное! – пояснил Молния, усмехаясь.

Миша сказал откровенно, освободившись от сексуального опьянения:

– Я не хотел этого, я же говорил тебе.

Хотел сказать Галине: «Прости, Галя», но язык не повернулся – прилип к небу, и горло запершило.

– А тебя никто не заставлял! – вдруг выдал Молния.

Миша посмотрел на Галину, которую сотрясали мощные толчки Пятачины (она теперь подумает, что он отъявленный подонок!), сказал грубо:

– Я не люблю, когда женщина близка с мужчиной без любовных переживаний, без чувств...

– А я люблю! – загоготал Пятачина и, вытащив «хозяйство», сотрясаясь, со стоном обрызгал спину женщины. – Кайф! Кайф! О-о-о-о! Дистиш фантастиш! Теперь можно и водки! – заявил он.

– Можно!

Голубая Молния встал с полка.

– Глядя на вас, и мне захотелось доставить удовольствие госте.

Галина понуро смотрела на взбодрившийся член Молнии, внутренне готовясь к новому испытанию.

– Становись, – велел ей Молния.

Галина устало заняла исходную позицию. Предстояло вновь отведать порцию боли. Однако Молния вдруг всунул свой палец туда, куда положено.

– О, а здесь совсем тесно, – заявил он, тут же пристраиваясь сзади, и вошел.

Женщина скривилась, попыталась его оттолкнуть.

– Вы обещали, что туда не будете, – взмолилась она.

– Молчи, тварь! – продолжая орудовать членом, рывкнул Молния. – Пусть твой муж вовремя платит, тогда никто никого и никуда трахать не будет! Вбей это в его тупую голову.

Галина заплакала.

Это рассмешило Молнию. Рэд тоже хрюкнул, отхлебывая водку из бутылки.

Миша понуро сидел на полке, глядя на свои ноги. Ему хотелось убежать отсюда, скрыться или хотя бы зажмуриться, заткнуть уши.

– У нее тесная норка, – комментировал свои ощущения Голубая Молния. Он хлопнул корейку по спине. – Ты не рожала? Чувствуется! Ха-ха. Ленивая ты баба. Нас, россиян, мало, а ты ленишься! Нехорошо. Ха-ха. Ох, любо! Ох, дуже! Еще, еще разок! А-а, кончаю! Ох, ох...

Покончив с сексом, Молния велел всем идти купаться в бассейн.

Галина осталась одна рыдать на полу бани.

– Что она так убивается? – спросил Рэд у Молнии на улице.

– Спираль у нее не стоит, а сейчас дни овуляции. Ордынцев просил туда не впихивать, легко забеременеть может.

– Вон оно что! Ха-ха! Пойду-ка и я всажу куда следует. Надо наказать эту курву!

– Курва – слово прибалтийское, – заявил Молния. – Я, когда служил в армии при Советском Союзе, много этих курв в Эстонии и Латвии перелопатил... Девочки изумительные! Было дело! Теперь много эстонских и латвийских парней ходят с моим лицом!

– Представь, Молния, и у Ордынцева будет сын с моим лицом! – вскричал Рэд с воодушевлением.

– Дурень, я первый ей вкатил! – посмеялся Молния. – А если будет дитя, алименты платить будешь ты!

– Еще посмотрим, чья возьмет! Ха-ха!

– А вдруг Ордынцева? – пошутил Молния.

– Тогда всех убью!

Миша содрогнулся – он таких шуток не понимал.

Рэд Пятачина вернулся в баню. Оттуда через минуту вырвался женский вопль. Миша дернулся, остановился, но крики больше не повторились... Что бы там ни случилось, он не готов был спасать свою бывшую любовь. И он не чувствовал себя виноватым в происходившем. Было время, он любил ее, а она его отвергла. Было время. Обычная история... А сейчас... Чужой человек получает воздаяние за свои грехи... Только как поступить? Спасти этого человека, которому и спасение не есть избавление, или спасти всех? Внутренних вопросов у Миши не возникло. Он делал свою работу, свое дело – выводил бандитов на чистую воду, чтобы они понесли наказание согласно букве закона.

«Неужели я бесчувственный робот?» – мелькнуло в голове. И внутренний голос ответил: «Сейчас надо быть бесчувственным».

– Пойдем, Миша. Рэд сделает свое подлое дело и придет. Вместе поедете на завод за минералкой, спасете наши деньги, – сказал Голубая Молния ласково, приобнимая Мишу за плечо.

Миша секунду постоял в нерешительности и двинулся, покорный понуждению руки главаря бандитов. Помочь Галине он был не в силах – она сама выбрала свой путь...

Глава 2

Голубая Молния плюхнулся в свое плетеное кресло, стоящее в тени разлапистой пальмы, растущей в кадке и на зиму убираемой в помещение. Здесь было относительно прохладно.

– Садись, Миша. Будем мясо есть, – велел Молния.

Проворный амбал подал Мише белый пластиковый стул. Миша присел. На душе тяжелым грузом лежали переживания за Галину – из бани не доносилось ни звука, но он знал, что Пятачина остервенело насиловал ее.

Повар, в плавках и белом льняном колпаке, принес длинные шампуры с шашлыками.

– Выбирай, Миша, самый красивый шашлык, – благодушничал Молния. – Изумительное мясо!

– Не хочется есть. Жарко, – честно признался Миша.

– Хлипкий ты. Знаю, из-за чего расстроился, – корейнку жалко, – хмыкнул Молния и жадно рванул зубами кусок обжаренного маринованного мяса с шампура. Проглотил, не дожидаясь. Облизнулся. – Отличный шашлык! Так говорю или нет?

– Про шашлык? – не понял Миша.

Молния фыркнул:

– Такой непонятливый? Про корейнку твою говорю, про Галину!.. Что молчишь? Разве не так? Не из-за бабы разве расстроился? Из-за нее! А она давно не твоя!.. Не спорь. Анкету проверили. Она баба Ордынцева, того козла, который здесь на коленях лепетал хренотень и оставил жену «погостить». Убивать таких мужиков надо, а не наказывать моим методом – они этого не понимают. У них нет наших принципов. Нормальных. Мужских. Не правильно говорю разве? По твоей физиономии понятно – переживаешь. Думаешь, что ты поступил плохо... А не она ли поступила плохо? Муж сказал... Муж – обжегся груш! А ты переживаешь...

Выдав тираду, Молния снова накинута на источающее изумительный аромат мясо, стягивая ртом с шампура кусок за куском. Утирался салфеткой, хрюкал и рычал от удовольствия, поливал шашлык уксусом с травами, посыпал красным жгучим перцем.

– Да не переживаю я! – взвился Миша, вконец оскорбленный происшедшим, отбросив шампур с шашлыком на большую пластиковую тарелку, стоящую на соседнем столике.

Молния, словно не заметив этого, продолжал тихим тенорком:

– Ты, Миша, не переживай. Что с ней станет? Баба есть баба. Ее для этого дела природа создала. Любить мужчин и производить наследников престола!.. О, вон и Пятачина идет, отдувается. Он шашлык оценит по достоинству!

Рэд, отираясь, улыбался во весь рот.

– Пятак, как, успешно? – подмигнул Молния.

Миша с отвращением смотрел на них.

– Вогнал усиленную порцию! Ха-ха! Так что еще посмотрим, чья возьмет!

– Дурак ты, Рэд! Биологию в школе изучал? Что было у тебя по биологии? Два с плюсом?

Рэд отмахнулся:

– Отстань, Молния!

– Основное правило: кто первый, тот и папа!..

– Ты первый, ты и плати алименты Ордынцеву, а у его сына будет, – Рэд, дурачась, очертил пальцем овал вокруг своей физиономии, – моя физиономия! Рэд Ордынцев! Ха-ха! А платишь ты, Молния! Ха-ха! Здорово?!

Молния сразу надулся:

– Я никогда не плачуМ!

Пятачина почувствовал, что перегнул палку. Заорал радостно, словно не было перепалки с Молнией:

– Мясо-о!.. Мясо-о-о! О-о-о-о!!!

Молния опять подобрел:

– Ешь, Пятак! Шашлык изумительный!.. Значит, предлагаешь Стекляшку на хрен послать и забрать товар в счет его долга?

– Конечно, Молния... Фу-у, жара! Когда уж прохлада придет? Ад какой-то!

– Ты по делу говори!

– Что мы, пролетать из-за уroda должны? Ему так и так уже от ментов не отбрыкаться.

Молния не отозвался.

Шашлык доедали молча.

Миша, глядя на жующие физиономии, тоже съел несколько кусков. Шашлык действительно был великолепный. Изумительный. Какой-то без уксуса, на естественном маринаде, на репчатом луке и травах.

Распаренное тело, пропитанное алкоголем, наполнилось неодолимой усталостью, никуда ехать, тем более в компании Пятачины, не хотелось. Но ехать предстояло по-любому, надо было шутить и улыбаться Пятачине, хотя Миша с удовольствием избил бы толстого вурдалака.

– Ну все. – Рэд отер жирные руки о пляжное махровое полотенце.

– Да, езжайте, – согласился Голубая Молния.

Миша залпом опрокинул в рот стакан прохладного кваса, бросил быстрый взгляд на баню (Галя все еще была там) и пошел вслед за Рэдом.

– Подожди меня, я переоденусь, – сказал Рэд, завернув в сумрачном холле в одну из комнат.

Миша прошел к своим вещам на диване и быстро оделся.

Когда он вышел на другую часть двора, ему уже подогнали его иномарку. Пятеро амбалов, в кожаных с заклепками жилетках и черных бейсболках, оседлав мощные «харлеи», безудержно газовали, отравляя воздух бензиновой гарью. Миша про себя усмехнулся – как им самим не противно участвовать в дурном маскараде, придуманном получокнутым Оргунковым? На улице было душно и жарко, а они вырядились во все кожаное и черное.

Жалкие, ограниченные люди – сбились в стаю и тащатся от своего мнимого превосходства над окружающими, подумал Миша.

– Вот и я. – Рэд, одетый в безрукавку, обшитую кожаными ремнями, в черных джинсах и высоких сапогах с подковками, вышел на крыльцо.

Миша отметил, что стальные скобы на сапоге, предназначенном для обреза, пусты – оружия Рэд не взял.

– Поедешь с ними или со мной? – спросил Миша.

«Харлей» Пятачины уже ждал его, но Рэд, почесав пышную шевелюру, кивнул на иномарку.

«Еще бы! – хмыкнул Миша про себя. – То ли мчаться в грязи жаре и пыли, то ли сидеть в удобном кресле и наслаждаться прохладой, нагоняемой автомобильным кондиционером».

Со двора виллы выехали рычащим кортежем – впереди три «харлея», посередине иномарка Миши и сзади еще два амбала на мотоциклах. Рэд развалился в переднем кресле, кривил губы и щелкал семечки.

– Что не поехал как все? – улыбнулся Миша, выкручивая руль.

– Надоело. Седло весь зад отбило. Старею. Хочется комфорта. Ха-ха!.. Что смотришь изучающе?

Миша снова улыбнулся – в глазах Пятачины сквозило недоверие. Он один из всей банды относился к Мише с подковыристым ехидством.

– Это не я смотрю изучающе, а ты, – сказал Миша. – Не веришь мне?

– Нет, – согласился Пятак. – Ты был ментом, а я ментов не люблю.

– Был да сплыл.

– Мент он всегда мент... А ты знаешь, как вас теперь, полицейских, называют в народе?
– Знаю, как их называют. Фашистскую оккупацию наш народ еще долго не забудет... Но я давно уже не мент. Скажи лучше, где твой знаменитый обрез?

– Какой обрез? – удивился Рэд. – Понятия не имею ни о каком обрезе!

– Все говорят про обрез.

– Не было никакого обреза. НИКОГДА! Ты что-то напутал...

– Не веришь мне... Я же с вами!

– Чем ты доказал, что наш? – Рэд сузил глаза, быстро-быстро прожевал горсть семечек и сожрал их с кожурой. – Проверка твоя еще впереди.

Миша пожал плечами:

– Проверяй. А что я сдал вам налет на подпольный цех, это не в счет?!

– Не в счет! Ты плечами не дергай. Когда я скажу: «Миша наш», тогда сможешь нос морщить, а пока будь добр...

– Рэд, ты на меня не наезжай! – рассердился Миша. – Я не мальчик для битья.

– Это ты так о себе думаешь, а я могу доказать обратное.

– Не говори гоп, Рэд!

На территорию старого кирпичного завода въехали в мрачном молчании. У полуобваленного здания склада стояла грузовая «газель» Стеклова. Иномарка Миши затормозила перед воротами. Распираемый злостью, Пятачина вывалился из машины, громко хлопнув дверью.

– Холодильник так свой закрывай! – пробурчал Миша.

Варнаки глушили двигатели «харлеев».

Из маленькой, обитой ржавым листовым железом двери показался насмерть перепуганный хозяин подпольного цеха. Был он лысоватым, сутулым, низеньким сорокалетним мужичком.

– Рэд, это вы! А я...

Пятачина не дал ему договорить – мощный удар могучего кулака подбросил Стеклова в воздух на метр. Он упал, глухо ударившись о твердую сухую землю, взмолился, вытирая кровь из разбитого носа:

– Не надо, Рэд! За что?

– Сука! – Пятачина сгреб Стеклова за грудки, нагнулся к самому лицу. – Захотел уйти? Захотел завязать?

– Ты о чем, Рэд? Ой! О-ой-ой!

Рэд наступил кованым сапогом на ладонь несчастного подпольщика.

– Это ты сам на себя настучал ментам! Я сразу сообразил! Они заматают твой цех, и ты, тварь, уходишь от выплаты оброка и процентов за бизнес!

– Нет! Что ты! Какие менты!

Рэд хлестко врезал ладонью по лицу Стеклова, и тот завалился на бок – такова была сила удара. Стеклов даже не хрюкнул, раскрыл рот, пытаясь поймать воздух, и покраснел, словно свекла.

– Нет! Оставьте его! А-а-а-а!!!

Все невольно обернулись – из складов выскочила насмерть перепуганная бледная женщина.

Рэд хмуро глянул на своих архаров. Они повскакивали с мотоциклов и кинулись к женщине.

– А-а!!! А!!! – Она в ужасе бросилась обратно внутрь склада.

Амбалы, смеясь, ввалились следом за ней, и тут же вопль ужаса и отчаяния донесся оттуда.

Стеклов очнулся, потянулся рукой к Пятачине.

– Рэд, что ты творишь?! Это моя жена! Рэд, не трогайте ее.

Рэд был беспощаден, с веселым презрением показал ему кукиш:

– Вот! Понял?! У тебя уже ничего нет – ни цеха, ни жены. И товара нет.

– Нет! Только не это! Я продам минералку (уже договорился) и заплачу положенное! Обещаю!

– А дальше? Как дальше будешь платить, если из-за твоей тупости менты сегодня ранним утром разгромят здесь все? Даже не разгромят, а аккуратно вывезут, и сынок, а может быть, племянник какого-нибудь властного «шишки» продолжит выпускать поддельную газированную воду. Что? Что скажешь? С новым «варягом» приедет семьдесят родичей и друзей с Дальнего Востока, и сейчас начнется новый передел. Ты, тварь, кому из новых заранее сдал свой бизнес?!

– Никому ничего не сдавал! Пожалуйста!

– Поздно. Товар Голубая Молния забирает себе в счет выплат и твоего тупого банкротства!

– Там ведь много больше!

– Убью, сука, если будешь вкаты!

Миша, наблюдая за сценой расправы, снова наполнился изумлением – жену Стеклова безжалостно насиловали, ее крики разносились по округе, а тот торговался из-за своих прибылей. Ну и дерьмо он конченное! Они достойны того, чтобы над ними изгалялись всякие Молнии и другие уроды, если забыли основные понятия о чести и уважении к себе...

Мише уже не жаль было вымазанного кровью Стеклова. Сердце надрывалось только из-за его жены, да и то в глубине души гнездились сомнения, искренни ли ее крики, – ведь все они, жены данников Голубой Молнии, не однажды отработывали «натурой».

Из темного дверного проема склада показался один из утомленных амбалов.

– Пашка, накажи его! – Рэд Пятачина указал на стоявшего перед ним на коленях Стеклова.

Амбал недовольно скривился: «Опять!» – но послушно начал расстегивать свои кожаные брюки.

Стеглов в ужасе замотал головой, встал на четвереньки и быстро-быстро пополз прочь.

Пашка, с полуспущенными брюками, белея задницей, нагнал Стеклова.

Миша, отворачиваясь, включил двигатель своей иномарки (он так и не выходил из машины), стал разворачивать авто, собираясь уезжать.

– Ой-е! – взвыл Стеглов.

Рэд Пятачина замахал рукой Мише:

– Стой! Стой, тебе говорят!

– Что?

– Почему уезжаешь? Я тебя не отпускал.

– Я просто машину разворачиваю.

– Сиди и жди. Вместе уедем.

На территорию завода, урча, въезжал КамАЗ с тентованным прицепом.

Амбалы выносили со склада пластиковые упаковки минералки по шесть полуторалитровых бутылок, ставили их на землю. Миша напряженно ждал, когда из склада выползет жена Стеклова, но она так и не показалась...

Амбал Пашка, «наказав» Стеклова, уже с деловым видом руководил водителем КамАЗа, показывая ему, как подогнать фуру под погрузку.

Опозоренный Стеглов куда-то уполз – о нем все забыли, это был отработанный материал...

Миша, громко вздохнув (эксцессы на сегодня еще не кончились – он чувствовал это внутренним чутьем), вышел из машины, встал рядом с ней и закурил.

Амбалы быстро-быстро таскали упаковки минералки в фуру. Миша, глядя на злого Рэда, вдруг подумал, что тот мог заставить его принять участие в «наказании» Стеклова. Тогда бы его легенда сразу закончилась – он бы отказался, и вся операция полетела в тартарары. В душе дернулся запоздалый испуг, но тут же пришло облегчение. Слава богу, что Рэд думал в первую очередь не о проверке «подозрительного» Миши, а о недополученной прибыли с разрушенного бизнеса Стеклова.

Миша посмотрел на Пашку, выдохнул дым через нос. Беспредельщики, животные. Они ведь могли не забирать минералку, а просто предупредить Стеклова о намечаемой облаве, но им обязательно обвинить и надругаться и все захватить своими загребушими руками. Жадные твари. Скоты. Уроды. Беспредельщики. И этих беспредельщиков сам Бог велел наказывать, и наказывать жестоко. Так наказывать, чтобы другие подобные уроды содрогнулись и никогда даже помыслить о возможности подобного беспредела не могли.

Только такой вариант развития событий гарантировал стопроцентный результат!

Минералку погрузили. Рэд подошел к Мише, в упор посмотрел в его глаза. Холодный, жестокий взгляд.

Прорычал:

– Можешь ехать. И не расслабляйся. Будет тебе генеральная проверка!

– Что?

– О проверке не забывай!

Рэд отвернулся, проворчал так, чтобы Миша слышал:

– Тормоз ментовский! Урод!

– Ты что-то сказал? – громко спросил Миша. Рэд, не оборачиваясь, рыкнул:

– Езжай, говорю!

Миша молча выбросил окурок в серую пыль и сел за руль.

Пятачина проводил взглядом выезжавшую с территории завода «тойоту», подозвал Пашку:

– Проследи бывшего мента. Не верю я ему.

– Понял.

– Что ты понял? – вдруг взвился в ярости Рэд.

Пашка отозвался тихо и покорно:

– Сделаю все, как надо.

– Смотри, чтобы он тебя не засек. Иначе сделаю с тобой то же, что ты сегодня совершил со Стековым.

– Вы велели!

Рэд как будто удивился:

– Кто тебе что велел? Я?! Очнись, парень! Ты понял, что сказал сейчас? А?!

Пашка молчал.

Рэд перевел разговор на другое:

– Кстати, что с бабой Стеклова?

– Что? – Пашка еще не отошел от обвинения в содеянном им над Стековым – он оказался крайним с любой стороны.

– Ты пьяный? – наседал Рэд.

– Нет.

– Что с бабой Стеклова, дурак?! – Рэд начал выходить из себя.

– Живая, – пролепетал Пашка.

– Полиция не сдаст?

– Муженек не разрешит!

– Все, мы уезжаем, а ты, как выпасешь Мишу, возвращайся сюда и схоронись где-нибудь.

В четыре утра менты планируют налет на цех Стеклова.

– Минералку вывезли, зачем ментов ждать?

– Тупой! Если менты не подвалят, значит, Миша нам лапшу повесил! Все, работай.

Через минуту у склада все стихло, только облако пыли, все еще висевшее посреди двора, показывало, что недавно здесь было очень людно...

Глава 3

Телефонный звонок заставил вздрогнуть. Ася поежилась, оторвала взгляд от страницы криминального романа и посмотрела на китайский будильник. Зачиталась она. Скоро должна подойти машина оперативников, а она еще не ложилась. Трель телефона настойчиво повторилась.

Ася отложила книгу в сторону. Настырные – это они будят ее, чтобы успела собраться. Надо же, какие предупредительные! Ей следовало остаться на ночь в управлении, но она сумела упросить майора Митрошина отпустить ее домой, поспать. Вот и поспала! Вместо того чтобы предаться освежающему, дающему силы здоровому сну, зачиталась коммерческой дребеденью про насильников-маньяков, будто на работе этого не видела ежесуточно!

Телефон опять звякнул, коротко и противно. Выругавшись, Ася подняла трубку, ожидая услышать услужливый голос Кольки Коростылева – лейтенанта из оперативного отдела, который руководил предстоящим набегом на подпольный цех по розливу контрафактной минералки. Коростылев не был посвящен в детали операции по ликвидации банды Молнии и не знал, что информацию о налете через Мишу Соболева уже передали бандитам.

Но звонил не Коростылев, а Соболев, чего Ася никак не ожидала.

– Антонова, привет!

– Миша?! Что случилось? – заволновалась Ася.

– Ничего. Просто звоню. Мы же как-никак любовники.

– Дурень! Чего звонишь? Seriously спрашиваю! Ты обратил внимание на время, прежде чем звонить? За мной уже выехала машина, сейчас поедem бомбить подпольный цех. Ты рассказал своим «подопечным» про операцию?

– Не моим, а нашим подопечным.

– Рассказал?

– Рассказал. – Голос Миши был глух.

– Что, их информация не заинтересовала? – не поняла Ася.

– Даже слишком заинтересовала. Они первыми налетели на цех. Хозяина цеха, их данника Стеклова, и его жену жестоко изнасиловали, всю минералку вывезли... Цех пустой. Осталось никчемное оборудование.

Известие Миши, против его ожидания, особого впечатления на Асю не произвело – ее сознание еще витало вокруг персонажей романа про маньяков, и настоящее преступление особого шока не вызвало. Она деловито уточнила:

– Фамилия хозяина цеха Стеков? Хорошо. Он даст показания против бандитов?

– У него спроси.

– Усекла. Что-то еще?

– Я там покурил, найдешь мой окурочок и мои следы – не обращай на них внимания.

– Хм... Уговорил.

– Когда свидание?

– Какое?

– С шампанским, с постелью.

– Но-но, Соболев. Мечтать – это хорошо, но не увлекайся!

– За мной же следят. Пятачина не верит в мою искренность.

– Ты его убеди, ты же профессионал.

Ася посмотрела на себя в настольное зеркало – мордашка усталая, но привлекательная. Ну этот Соболев и закрутил! Свидание с шампанским и постелью! Шампанского, пожалуй, выпить можно, а вот насчет всего остального надо подумать.

– Соболев, закругляйся. Мне некогда.

- Все! Понял. Готовь новую информацию. Надо им дать почувствовать, что я их человек.
- Я передам твои пожелания майору Митрошину. Все, до связи.

Ася опустила трубку на аппарат. Итак, хозяин цеха Стеклов, он ограблен, изнасилован и унижен сверх всякой меры. Его она и будет раскручивать, чтобы подшить в «голубое дело» первые материалы с доказательствами.

Лечь и попытаться заснуть уже не имело смысла. Ася как следует позавтракала, еще немного почитала про маньяков и сама позвонила в управление, чтобы за ней выслали машину.

К четырем утра оперативная группа на трех уазиках подкатила к мрачному черному складу кирпичного завода. Предрассветные сумерки быстро редели. Водители, ругаясь, вели уазики по ухабам, не включая фар.

- Все, тормози! – не выдержал Коростылев. – Парни, вперед! Возьмем гадов с поличным!

Оперативники с пистолетами наголо серой саранчой двинулись к зияющей чернотой отворенной настежь двери склада. Ася все еще сидела на теплом пыльном сиденье и выходить в прохладу раннего утра не торопилась – она уже знала, что ничего интересного операм не достанется. Начнется обычная бумажная рутина с протоколами, обыском и нулевым результатом.

В проеме двери заскакали зайчики фонарей. – Антонова! – закричал из темноты склада Коростылев. – Где ты?! Иди сюда!

Ася, злясь, толкнула дверцу машины – обязательно им Антонову подавай.

– Что у вас?

– Иди, увидишь.

Ася, поеживаясь от ночного холода, вошла внутрь склада. Здесь толпились опера, лучи фонарей скользили по стенам, грязному оборудованию.

Ася увидела сразу.

В круге света, вырванном из темноты десятками фонарей, висел под высоким потолком труп одного из бандитов, одетого в черную кожу, липкий от крови. Сзади у него что-то торчало.

– Что там? – спросила Ася у Коростылева, потрясенная увиденным. Миша про труп не предупреждал.

– Там у него дырн в заднице.

– Ага.

– Что «ага»?

– Ничего.

– Антонова, ты темнишь!

– Почему?

– Ты что-то знаешь!

– Может быть... Очень может быть...

Ася еще раз посмотрела на труп. В ее голове сразу начала выстраиваться версия – Стеклова с женой изнасиловали, отобрали партию готовой минералки и бросили в пасть полиции, а в ответ он взъярился и убил одного из насильников. Надо объявить операцию «Перехват» и постараться поймать Стеклова, пока его не поймали разъяренные бандиты. Теперь он не отвертится, выложит все и об изнасиловании, и о дани, собираемой Молнией, и о бесчинствах беспредельщиков.

– Коля, – Ася глянула на Коростылева, – вы тут без меня, а я – по следу.

– Имеешь информацию?

– Перед самой операцией предупредили.

– И ты молчала?! – возмутился Коростылев.

– Ради дела!

– Кто завалил варнака?

– Завтра скажу.

Ася вернулась в уазик, велела водителю гнать в управление и тут же по рации связалась с оперативно-информационным центром, запрашивая адрес и все данные о Стеклове. Имени и отчества она не знала, возникли затруднения – в городе было пятьдесят Стекловых.

– Стоп, Толя, – велела она шоферу.

Тот послушно нажал на тормоз.

– Езжай.

– Куда?

– Туда же, в управление.

Ася подумала, что бандиты хватятся своего архара только утром или днем, поэтому времени найти Стеклова убийцу-мстителю предостаточно. Она из управления передаст во все отделы приказ участковым отработать вверенных им Стекловых и взять у них фотографии, якобы для паспортного контроля, а Миша Соболев опознает того, кого видел на старом заводе.

Рано утром, часов в семь, Ася позвонила из управления на холостяцкую квартиру Миши.

– Еще спишь?

– Э, подруга, я же мент в отставке, так что прошу не будить.

– Уже разбудила. Сейчас приеду.

– Ко мне?

– Разве не могу? Я же твоя любовница, если ты помнишь. Хочу проверить, с кем ты спал.

– Один. А должен был с тобой! Любовница называется!

– Переживаешь? Это хорошо. Но не сильно расстраивайся, я тебя постараюсь развлечь с утра – привезу кучу фотографий.

– Зачем это? С родственниками знакомить собралась? Это лишнее.

– Все узнаешь, потерпи немного.

Глава 4

Миша, хлопая ресницами, сидел в футболке и спортивном трико перед низеньким, обтянутым кожей журнальным столиком. Ася, улыбаясь, вытащила из своей распухшей дамской сумочки внушительную пачку фотографий и бросила ее перед Мишей. Он вяло посмотрел на них с неудовольствием, перебрал несколько.

– Почему не через компьютер? Что за прошлый век? К чему столько бумаги?

– Время, Миша, время. Некогда все это сканировать и вводить в ноутбук только потому, что тебе так удобнее!

– И что? Физиономии этих мужиков должны меня заинтересовать? О, Стеклов. Хм, ну и харя.

– Где Стеклов? – ошалела Ася от мгновенного везения – Мише сразу же попало в руки нужное фото.

– Вот. Гад. Мелкая, ничтожная личность, как говорил Паниковский. А я уточню – никакая он не личность – слякоть. Его жену насиловали, а он торговался, чтобы не отбирали минералку.

Ася взяла в руки фотографию Стеклова, на оборотной стороне прочла адрес, молча пошла в прихожую.

– Ты куда?!

– Позвоню с твоего домашнего телефона.

– Звони со своего сотового!

– Не жлобствуй!

– Кто из нас жлобствует?

Ася набрала номер оперативного отдела и велела группе задержания отправляться на квартиру Стеклова.

Вернувшись в комнату, она с победным видом плюхнулась в кресло, закинув ногу на ногу. Уловив взгляд Миши, поглаживающий ее голые ноги, тут же свела их вместе.

– Ну? Что смотришь? Стеклова потрясти хочешь, чтобы он все тебе выложил – про набег, про минералку, про насилие? – язвительно заговорил Миша.

– Это само собой. Так сказать, с чего началось. А вот чем закончилось. – Ася вытащила из своей сумочки несколько снимков трупа, подвешенного к потолку склада.

– Го-го, – сказал Миша.

– И все?

– Круто. Где нашли?

– На складе. Поехали за минеральной водой контрафактной, а нашли труп.

– Думаешь, Стеклов замочил подонка? Да нет! Не мог он – слишком жалок. Мразь... Хотя после того, что сотворили с его семьей, с ним... Однако... В голове не укладывается. – Миша перебирал фотографии. Ася видела, что новость его потрясла. Он хлопнул пачкой фотографий себе по колену. – Отдай их мне.

– Зачем?

– Еще не знаю, но думаю, что из этого можно что-то выжать.

– Попробуй...

– Интересно, где он подловил этого гада?

– Думаю, погибший был оставлен на складе дожидаться нас – проверяли твою информацию о налете.

– О-о! Я же говорил тебе, что Пятчина мне не верит. Козел.

В прихожей раздался телефонный звонок. Миша, крикнув, пошел туда.

– Ася, иди, твои опера звонят... Зачем ты им даешь мой номер? Нечего им сюда названивать!

Ася забрала трубку.

– Слушаю... Хорошо... Где, вы говорите, его жена? Поняла... Ладно, сейчас подъеду.

Она положила трубку на аппарат.

– Что скажешь, любимая? – съязвил Миша.

– Стеклова взяли, а его жена уехала к своим родителям в село Боровлянку, улица Станционная, сто семь.

– Плюнула, значит, на муженька.

– Да нет...

– Да или нет? – заулыбался Миша.

Ася тоже рассмеялась.

– Что? – Миша наседал.

– Отстань. – Ася уверенно оттолкнула своего партнера по делу.

– Нет, ты скажи, что с женой Стеклова? Бросила она его? Так?

– Думаю, он ее сам отправил в эту пресловутую Боровлянку.

– Почему?

– Испугался мести бандитов.

– Кстати, Молния будет ее искать – это стопроцентный вариант.

Ася всплеснула руками:

– А то я не врубилась сразу в тему! Пошлю парней-оперов, пусть заберут ее к нам, даст показания, а после валит куда подальше, чтобы духу ее не было в нашем регионе до суда над Молнией.

– А программа защиты свидетелей?

– Может, в Москве и Питере есть, а у нас нет! Или ты не знал?

Миша пожал плечами – знал или не знал, какая разница! Есть общая, федеральная программа, и она должна исполняться. Конечно, в городах-миллионниках, может быть, что-то в этом направлении и делалось в последнее время, а так... Провинциальная рутина рождает коррупционный и бандитский беспредел. Вот результат. Женщину выловят или бандиты, или менты. Если первыми доберутся до несчастной полицейские – это не будет для нас счастливым финалом. Ее просто используют в служебных целях – выдают показания, запротоколируют бумажно эти излияния поверженной души, все заснимут на видеокамеру – сделают все, что нужно для галочки по ведению дела, а после просто выкинут из города – спасайся сама, и забудут... А бандиты не забудут. Они будут искать и искать, пока не найдут, и найдут очень скоро, потому что в полиции, несмотря на показательную переаттестацию, осталось девяносто пять процентов коррупционных милиционеров. Пять процентов удалось выгнать, а остальные затаились, притворились «правильными», и снова все вернулось на свои прежние места – коррупция, подлог, приписки успехов в борьбе с криминалом и мафия – сотрудничество правоохранительных органов с организованной преступностью! И эти «оборотни» за «пятерку» скинут информацию злодеям, как только отследят появление где-либо несчастной.

– Ася, это неправильно.

– Что?

Миша пожал плечами.

Ася поймала его взгляд, направленный на ее ноги.

– Соболев, еще раз говорю тебе – не расслабляться! День только начался! Приступай к агентурной работе. А поле, на какое ты с утра заглядываешься, не для твоего плуга.

– Заговорила аллегориями? Красиво! Плуг... Плуг! Однако! Хм. Насчет плуга ты все-таки подумай!

– Думала еще вчера ночью.

– И что?

– Не скажу.

Глава 5

Миша позвонил Молнии на его сотовый, и тот велел ему приезжать на базу отдыха «Приречное».

Это был нетронутый уголок флоры и фауны – березки, тополя, пологий речной берег, поросший невысокой травой, медленное течение зеленоватой воды, забавные лягушата и наглые окуньки, несколько домиков для отдыха в непогоду – в общем, рай для любителей российской природы. Но без роскошества, без VIP-закидонов, очень привлекательных для разбогатевших малообразованных выскочек. Что туда потянуло Молнию, Миша не мог понять. В общем, все выглядело очень странно...

Прихватив фотографии повешенного варнака, Миша выехал на встречу с главарем бандитов.

Мишу по телефону не предупредили о цели визита, поэтому Молния знаком велел ему ждать в сторонке. На речном берегу собралась вся банда, все в черной коже, на «харлеях» и в джипах.

Молния вершил правосудие.

Вчера вечером, когда Миша с частью варнаков был на изъятии контрафактной минералки у Стеклова, на виллу Молнии допустили просительницу. Пятидесятилетняя женщина, хорошо сохранившаяся, даже, можно сказать, эффектная (больше сорока ей никак не дашь!), попросила у Молнии защиты. Молодые варнаки из банды, встретив ее на улице, глумясь, стали приставать. Она отбивалась. Тут вышел из аптеки ее муж, который покупал лекарства от астмы, вступился за супругу и был жестоко избит. Позже, уже дома, муж обвинил несчастную в заигрывании с подонками и потребовал развода.

– С мужем я сама разберусь, но прошу справедливости, – молила она Молнию.

Обидчики несчастной были в это время на складе, и Молния перенес «суд» на сегодня. Софья Егоровна (так звали женщину) работала в «Приречном», сюда и прикатила вся банда.

Узнав о нашествии бандитов, персонал базы отдыха, в основном мужики, в ужасе попрыгали.

Женщина стояла в окружении мотоциклов, на которых восседали бандиты, и сбивчиво заново рассказывала о происшедшем. «Хранитель правды» Молния восседал в своем плетеном кресле, специально привезенном на судилище. Провинившиеся (двое восемнадцатилетних парней), тоже в черной коже и заклепках, стояли рядом, вытянув руки по швам и опустив головы.

Миша ухмыльнулся. Зачем Молнии было это нелепое представление? Это же театр абсурда! И «правдолюбница» тоже хороша – нашла у кого искать правду! Овца пошла к волку жаловаться на волчат!

Ничего хорошего от бандитского суда Миша не ждал.

– Итак. – Молния, нахмурившись, перевел взгляд на молодых варнаков. – Что вы скажете в свое оправдание, негодяи? Обидели женщину, избили, за просто так, ее мужа! Или вы вдруг решили, что можете творить беспредел на улицах моего города?! Самые крутые здесь, да?! – Молния начинал закипать праведным гневом на неразумных подопечных.

– Нет, – жалобно проблеял один из провинившихся.

– Что «нет»? – спросил Молния, успокаиваясь.

– Мы не самые крутые в вашем городе.

– И-и? – Молния, уже совсем удовлетворенный, ободряюще кивнул. – Не молчите. Я слушаю... А то ведь я на расправу скор: слово скажу – и вас утопят, река рядом.

Женщина содрогнулась от слов главаря беспредельщиков.

– Да она виновата! – вдруг выкрикнул худой парень по кличке Ежик. – Это же Софья Егоровна, наша бывшая училка.

– Это ложь! – возмутилась женщина. – Я никогда не преподавала в школе!

– Какая школа? – продолжал кричать худой. – Она из института! Она экзамены у нас принимала. На вступительных экзаменах меня и Ваську завалила, сука. Они бюджетные места продают. А нам, людям из народа, у которых средств мало, к высшему образованию путь закрыт из-за таких тварей! Коррупционерка! Жизнь нам поломала, падла!

– Стерва она последняя, мразь конченная, – отозвался Васька. – Она нас и не помнит... Что вылупилась? Поломала парней нормальных? Уродов из нас сделала из-за своей скотской алчности?! А-а?!

Васька воззрился обезумевшим взглядом на Молнию, вскричал:

– В этом правда?! Да-а?!

Общее мнение было не в пользу просительницы. Даже Миша сразу невзлюбил эту уверенную в себе, наглую особу. «Взяточница, тварь», – подумал он.

Женщина, удивленная таким поворотом дела, вдруг беззвучно что-то забормотала, словно задыхаясь, хватая ртом воздух, потом заговорила:

– Как вам не стыдно, ребята? Я не виновата, что вы всю школу бездельничали, и багаж ваших знаний оказался равен нулю.

– Во-во, стерва. Всю жизнь поломала нам своей принципиальностью.

– Хм, – протянул Молния. Он уже принял решение.

Миша не сомневался, что своих подопечных Молния оправдает.

А тот ухмыльнулся подлой ухмылкой:

– Что ж ты, Софья, как тебя, Егоровна, сразу не сказала, почему парни на тебя обижены? Стала на пацанов пузыри пускать. За дело они тебя задирали. Скажи спасибо мужу – он их праведный гнев на себя принял. А ты ко мне пошла, тварь, не постеснялась... Я все бросил... Мы все бросили, время тратим тут с тобой...

– Подождите, – призывно подняла руку женщина.

– Молчи! – взревел Рэд Пятачина.

Миша усмехнулся. Подлый Рэд своим рыкающим голосом и лохматыми патлами очень походил на одного известного всей России актера. Это сравнение очень насмешило Мишу.

Рэд тем временем продолжал:

– Э-э-э-э! Ты свое отговорила, женщина! Э-э! – Пятачина обернулся к Молнии, сидевшему в плетеном кресле с удивленным, но добрым лицом. – Молния, надо ее проучить как следует! Пусть парни потешатся!

Молния удивился еще больше:

– Как это? Она же старая! Старых надо уважать, Рэд, хотя многие из них по жизни – последние твари!

– Пусть ей оплеух надают! – предложил Рэд.

– Вы что?! – вскипела женщина. – Я в полицию пойду! Да я посажу вас всех! Всех до одного!

Бандиты радостно заржали. В мультиках и художественных фильмах так обычно презрительно смеялись пираты и разбойники. Даже Миша хмыкнул от наивности женщины.

– Дайте ей! – велел Пятачина.

Но Молния остановил молодых ублюдков грозным окриком:

– Нельзя!

– Как нельзя, Молния? Что ее, просто так отпустить?! – кипел Рэд.

– Отпустить!

– Она сразу в ментовку побежит.

– Пусть бежит, ответит за клевету в суде. Квартиру отберем!

– Я вас не боюсь! – вдруг выкрикнула женщина презрительно.

Худой Ежик с придыханием послал ей пинок под зад.

– Сука!

Женщина с криком упала.

– А-а! А-а-а-а!!!

– Рот ей закройте и не трогайте! – велел Молния. – Дерьмо не шевельнешь – не завоняет.

А ты, Егоровна, подумай о своей гнилой сущности. Судьбы пацанам поломала из-за алчности... Рыпнешься к ментам – пожалеешь по полной... Я добрый только до поры! В этой речке налимов много, трупное мясо они обожают. Так что думай, что лучше – молчать и жить или рыбку кормить своим мяском...

Голосок Молнии был приторно-сладким, но кровь холодела от каждого его слова.

Плачущую женщину, подхватив под мышки, варнаки потащили прочь с места судилища.

Молния нашел глазами Мишу, поманил рукой.

– Кам хиз! – сказал по-английски.

– Что? – Миша подошел, смурной от виденного и удивленный мягкостью главаря беспредельщиков. Интересно, в честь чего это Молния подобрел? Или этот спектакль организовали специально для Миши – Рэд ведь ему пока не верил? Все могло быть, потому следовало держаться начеку.

Молния смерил Мишу испытующим взглядом, спросил:

– Не волокешь в английском?

– Волоку немного.

– Что я сказал?

– Типа иди ко мне, иди сюда...

Молния ухмыльнулся:

– Типа... Что у тебя?

– Плохая новость.

Молния внешне остался спокоен, но Миша понял, что он напрягся. Взгляд Молнии устремился вдаль, за реку.

– Говори.

– Вот. – Миша протянул фотографии трупа бандита, полученные от Аси.

Молния проглядел их, не особо вникая в смысл изображенного, опять стал смотреть за реку, потом снова вернулся к фотографиям и вдруг взревел:

– Что-о? Это же Пашка Хрен! Пятак, смотри! Молния был ошеломлен, потрясен и обескуражен – никто еще не смел убивать его людей, да еще так жестоко!

– Ёпрст! – выругался Пятачина. Его взгляд уперся в лицо Миши. – Откуда это?

– Ася утром принесла.

– И ты молчал?!

– А что, кричать? Дело сделано! И слова мне не давали!

Рэд со злостью заявил:

– Это Стеклов, сука! Больше некому! Я Пашке велел дожидаться ментов, а тот завалил его, наверное, спящего... Пля...

– Это ты сука, Пятак! – вспылil Молния, вскакивая с кресла. – Какого рожна ты оставил Пашку Хрена на ночь на заводе? Зачем?!

Пятачина замялся.

Молния зло скомкал фотографии, хотел швырнуть их в Пятачину, но передумал и бросать в траву не стал, убрал в карман своих брюк.

– Едем отсюда! Все уезжаем! Хватит глупостей! Молния пошел к джипу. Миша, вздыхая, посмотрел на рыдающую в траве женщину. Надо будет дать Асе наводку на нее – ее показания

тоже пригодятся. В веревке, из которой скрутят петлю для Молнии, появится новая нитка, а это уже неплохо!

– Миша, отдай ключи от своей машины Гарику. Ты поедешь со мной! – крикнул Молния уже с заднего сиденья своего роскошного внедорожника. – Поговорим по дороге, без свидетелей.

«А водитель?» – подумал Миша.

Взревев двигателями «харлеев», бандиты, оставив облако сизого дыма, рванули прочь с места судилища...

Женщина на берегу, обессиленная от стыда, позора и страха, продолжала рыдать...

Глава 6

Внедорожник мчался на огромной скорости по пригородной трассе. Впереди мельтешили амбалы на «харлеях». Молния нервно перебирал толстыми пальцами нефритовые четки. Где он перенял эту привычку? Он не был мусульманином, читающим суры. Он вообще был неверующим Фомой – циничным атеистом. Но четки перебирал быстро, думая о своем. Сильно нервничал.

«Трусит, тварь, – понял Миша. – Только из-за чего? Из-за трупа Пашки Хрена? Не может такого быть!»

Миша скромно сидел рядом с Молнией на заднем сиденье и молчал, ожидая словесной тирады главаря бандитов.

– Как это произошло? – спросил Молния хрипло.

– Ася рассказала: они приехали на склады, уже никого, темнота, и он висит под потолком.

– Пля... – Молния сжал кулак и зло стукнул себя по колену. Он взглянул на Мишу, собираясь что-то сказать, но передумал, снова нервно зашуршал четками.

– Да Пятак все... Козел, – сказал он самому себе.

Еще минуту он злился, тарабанил пальцами по кожаной обшивке салона, потом повернулся к Мише:

– Надо достать Стекляшку.

– Как? Он в следственном изоляторе.

– Я понял, что он в камере. Но надо достать!

– Ася рисковать по такой мелочи не станет.

– Это не мелочь! – взревел Молния.

Миша остался спокоен и непреклонен.

– Мелочь.

– Я ей хорошо заплачу. Скажи – Молния до бабла не жадный. Пусть она этого сучонка только выведет за ограду – мы отобьем, вывезем за город... Я его за яйца повешу. Лично. Вот этими руками. – Молния посмотрел на свои руки, словно удивляясь, что именно этим инструментом он все провернет. Снова заговорил уверенно: – Повешу живого. Чтобы висел, кряхтел и думал, что он сотворил. А перед этим, вот так же, как он Пашку, дрыном в задницу!

– Его же Паша ни за что опустил, – робко напомнил Миша и тут же подумал, что не стоит лезть на рожон со своими мыслями.

– Что ты понимаешь! – опять вспылил Молния. – Ни за что! Да он, гомик, цех такой засветил! Урод! Пятак ему сколько говорил – убирай цех в другое место! Я ему говорил! Я! Лично! Хрен там! Упертый! Мы ему не указ! Все своим умом! Умник!.. А теперь, ишь ты, обиделся, что его за дело оттрахали!.. Он человека убил! Не простого человека! Не бомжа! Не какую-то тварь залетную! Моего человека! Моего! Пусть уroda конченного, ублюдка последнего. Но моего! Пойми, Миша! Это крик души!.. – Молния помолчал, потом добавил тихо, глядя вперед: – Его порвать за такое мало... И я его порву. Лично. – Молния опять стал закипать. – Порву падлу! Глаза выдавлю большими пальцами, язык вырву и губы отрежу!

Миша секунду помолчал, давая Молнии успокоиться, и сказал твердо:

– Нет, Молния, Ася не согласится Стеклова сдать.

– Ментовка! Сволочь трусливая!

– Не лайся! Она моя женщина!

– О-го-го!

– Не о-го-го!

– А то что? Пойдешь против меня?

– Не пойду! Но и ты понимай, что реально сделать, а что – нет!

– Ладно, – остыл Молния.

Некоторое время ехали молча.

– Слышь, Миша, добудь у своей бабы адрес родителей Стекловой. Если самого гада не смогу достать, я хоть на его жене отыграюсь. Уверен, он ее уже сплавил к подругам или к родокам... Сделаешь?

Миша поразился чутью Молнии. Ему бы в полиции работать, в отделе расследований, он бы многим следователям и оперативникам мог дать фору... Умный, тварь...

– Хорошо, – легко согласился Миша.

– Ну и ладно... У тебя больше ничего нет, кроме трупа Пашки Хрена?

Миша развел руками.

– Тогда быстренько разберись с адресом и звякни Пятаку. А у меня дела. – Молния протянул Мише пятерню для пожатия, потом хлопнул водителя по плечу – внедорожник мягко затормозил.

Миша вышел на трассу.

Газующая кавалькада умчала прочь. Миша вздохнул, посмотрел на свою «тойоту» с распахнутой дверью. Итак, первым делом требовалось спасти жену Стеклова от бандитской расправы – он быстренько съездит в Боровлянку (благо здесь недалеко), посадит ее на первый проходящий поезд, заплатив напрямую проводникам, чтобы не светить фамилию в билете, а уж потом выдаст адрес ее родителей Пятачине – пусть ищет ветра в поле...

Уже за рулем Миша подумал, что Молния неспроста позвал его ехать вместе с ним – подручный Молнии Гарик вел машину Миши и мог установить в ней скрытое подслушивающее устройство – жучок. Миша осознавал – бандиты ему не верят, но верить хотят. То есть пока бояться верить, пока он не прошел основательной проверки! А если все же не поверят – это смерть!.. Да, завертелась карусель!

Через полчаса быстрой езды Миша свернул с асфальтовой трассы на проселок, ведущий в тихое, но большое село.

Боровлянка когда-то была немецкой деревней – дома большие, добротные, заборы ладные каменные, улицы ровные. Но с началом «лихих девяностых» немцы массово снялись с насиженных веками мест и подались за сытым куском в фатерланд. При Ельцине в деревне построили церковь, и Боровлянка стала селом. Только появление попа не спасло поселение: душевные заботы – одно, а отсутствие трудовой занятости, которая приносит живую денежку, – это другое. Село чахло. Прошел кризис 2008-го, не заметили подъема 2011-го, затянули пояса в 2012-м!.. Село умирало. Что тут скажешь – естественный процесс...

Миша предусмотрительно оставил машину в роще у железной дороги – до дома родителей Стекловой можно было крадучись пробраться сквозь плотные заросли орешника. Миша хотел улучшить момент, когда супруга Стеклова (предполагаемого убийцы Пашки Хрена) выйдет в огород, и тут ее окликнуть, потому что в открытую прийти боялся – старики, чего доброго, могли рассказать людям Молнии, которые приедут позже (в этом он не сомневался!), о его приезде в это тихое живописное поселение.

Миша засел у самого забора – низенького, серого штакетника, за которым цвела картошка. В окнах старого бревенчатого дома кто-то маячил, но кто, понять было невозможно.

За соседним забором, таким же низким, сразу располагались бревенчатые сараи и дощатый туалет. В доме соседей гремела бешеная музыка, заглушая все звуки вокруг, – там веселились, отчаянно и безбашенно.

В доме родителей жены Стеклова скрипнула калитка, ведущая со двора в огород. Миша насторожился. Он узнал ее – жена Стеклова шла между рядов картошки. У самого забора она остановилась, нагнулась, подняла шланг, из которого струилась ледяная вода, отпила немного и бросила его в следующий рядок.

– Можно вас? – Миша призывно махнул, показываясь из-за забора.

– Ой! – испугалась женщина.

– Не бойтесь.

– Что вам? – Она собиралась убежать.

Миша понял: надо сказать такое, что ее убедит сразу.

– Я от вашего супруга.

– От Севы? Что с ним? Кто вы?

– Он в полиции. А вас ищут те гады, что изнасиловали вас на складах.

Жена Стеклова содрогнулась.

– Откуда вы знаете?

– Я говорю правду – вас ищут, чтобы убить.

Честное слово! Вы должны мне поверить!

Смятение и ужас отразились на побледневшем лице женщины. Она спросила шепотом:

– Что же делать? Меня здесь найдут?

– Я помогу вам сесть на поезд. Придется на время затаиться. Уезжайте подальше, снимите комнату.

– А дальше?

– Вам надо бежать, и немедленно.

– А если мне тоже в полицию?

– Ваш муж подозревается в преступлении... – Преступлении?! – еще более поразила Стеклова.

– Да. Потому его держат в камере. А вас прятать никто не станет. Придется прятаться самой!

– Пойдемте в дом. – Стеклова взволнованно оглянулась на дом своих родителей.

Мише было искренне жаль эту женщину. Она просто помогала мужу-аферисту, а теперь им грозит перспектива уголовного преследования в лучшем случае, а в худшем – смерть, и смерть жестокая, мучительная. Молния – тот еще монстр.

– В дом я не пойду. Меня не должны видеть. Идите быстрее, собирайтесь, я вас здесь подожду.

– А Севу из-за минералки в полицию забрали?

– Из-за нее. – Миша не стал упоминать о смерти варнака Пашки.

– Что тем гадам надо? Измучили нас. Что с нас еще взять? Все забрали, оскорбили, унизили... – Стеклова зарыдала.

– Они боятся, что ваш муж расскажет о них в полиции, поэтому хотят взять вас в заложницы. Надо спасаться. Пересидеть. Выждать время.

– А родители?

– Их не тронут. А вас схватят, и что будет дальше, я даже страшусь предположить.

– Господи. Сейчас! Подождите...

Через десять минут Миша и жена Стеклова, которую звали Лена, выбрались задами из села и на «тойоте» домчались до полустанка, на котором Миша успешно посадил ее без билета в купейный вагон. Лена плакала от страха и неизвестности, но выбора у нее не было.

Глава 7

Стеклова, во избежание ненужных осложнений, держали в отдельной камере, хотя в СИЗО лишнего места днем с огнем было не сыскать, но ради такого клиента пошли на «жертву».

Ася решила допросить его прямо в камере. Когда она вошла в это сырое, холодное помещение, сжимая под мышкой папку с бумагами, в ее голове сразу же возникли сомнения относительно причастности Стеклова к убийству бандита. Тот, некий Павел Суроков, по прозвищу Пашка Хрен, был здоровее дохляка Стеклова. И весь вид Стеклова говорил о его невинности: как может такое ничтожество замочить мускулистого амбала? Но, с другой стороны, Ася не верила первому впечатлению: не раз оказывалось, что симпатичные девчата с невинными глазами на поверку оказывались проститутками и ворьем, а такие вот горе-мужички – хладнокровными убийцами или боссами мафиозных кланов.

Стеков встал, глупо кивнул, чуть не поклонился. Ася усмехнулась – еще не обучен тонкостям жизни за решеткой.

– Садитесь, Стеков. Я следователь Антонова, веду ваше дело.

Стеков облизнул сухие губы, покорно сел на свое место. Ася расположилась напротив на табуретке, закинула ногу на ногу и, успев уловить невольное движение глаз Стеклова, опустила себе на колено папку с бумагами. Раскрыв ее, быстро настрочила авторучкой протокол.

– Извините, можно вопрос? – вдруг робко спросил Стеков.

– Пожалуйста, – разрешила Ася.

– Я не могу понять, за что я задержан. Почему я здесь?

Вот оно! Тот еще фрукт – тертый! Не понимает он, за что задержан. И глаза такие честные-честные.

– Разве вам не объяснили причину вашего задержания? – усмехнулась Ася. Это в стиле Коростылева, подумала она, его опера молча завернут руки на спину, голову запихнут между колен и в машину – оправдывайся, что ты не верблюд, когда через двадцать минут окажешься в СИЗО.

– Объяснили в общих чертах, – промямлил Стеков.

– Изготовление фальсифицированной минеральной воды, то есть двойной криминал – незаконное предпринимательство и умышленное нанесение ущерба здоровью граждан путем производства и продажи пищевых суррогатов, уклонение от уплаты налогов – это само собой. Но главное – убийство Сурокова Павла Анатольевича, причем с элементами садизма.

Стеков от последних фраз содрогнулся, испуганно дернулся, даже непроизвольно попытался закрыться рукой.

– Как убийство?

– Вы его просто попугать хотели?

– Я никого не убивал! Нет! – закричал Стеков.

– Не стоит ломать комедию, а лучше расскажите все по порядку: как вас ограбили представители преступной группировки Оргункова (он же Молния), изнасиловали вас и вашу жену, а вы в порыве отмщения, так сказать, напали на оставленного дежурить на ночь на складе Сурокова и убили его. Видите, нам все известно. Просто хочется вам помочь. Будете упираться – мы все равно вас разговорим, для этого существует масса способов, но свое положение вы усложните. Если будете содействовать следствию, суд учтет это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.